

А. И. Введенский

**Литературные
характеристики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. И. Введенский**
Литературные характеристики / А. И. Введенский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 519 с.

ISBN 978-5-517-97887-5

Последние произведения Тургенева, Гончарова, Достоевского. Сатиры
Щедрина. Литературное Народничество. Гл. Успенский. Н. Златовратский.

ISBN 978-5-517-97887-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	VII
Произведенія Тургенева	
Отчаянный	1
Пѣснь торжествующей любви .	13
Блара Миллчъ	22
Стихотворенія въ прозѣ	29
И. С. Тургеневъ (по поводу его смерти) .	36
Тургеневъ въ русской журналистикѣ .	46
Гошчаровъ.	
Четыре очерка	56
Произведенія Достоевскаго.	
Романъ проповѣдь „Братья Карамазовы“	69
Ф. М. Достоевскій (по поводу его смерти)	82
Критики Достоевскаго	89
Сатиры Щедрина.	
Господа Головлевы.	120
За рубежомъ	127
Письма къ тетенькѣ	143
Современная идиллія	150
Пошехонскіе рассказы	171
Сказки	175
Пестрыя письма.	182
Пошехонская старица	209
Брусинъ.	250
Нѣчто о литературномъ народничествѣ. (Литературныя перспективы)	257
О народныхъ русскихъ идеалахъ	278

Глѣбъ Успенскій и П. Златовратскій. (Лит. характеристики)	стр. 290
Произведенія Гл. Успенскаго.	
По поводу „Собранія сочиненій“	350
Волеи-неволей.	386
Скучающая публка	396
Черезъ пень колоду	403
Дохнуть некогда. Недосугъ. Кой про что	413
Осенью	423
Живыя цифры	430
Вольные казаки. Письма съ дороги	440
Грѣхи тяжкіе.	448
Произведенія Златовратскаго.	
Разказы и очерки.	456
Люди стараго поведенія .	480
Мои видѣнія	496
Городъ рабочихъ	503

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ книгѣ этой помѣщены статьи, писанныя въ восьмидесятихъ годахъ истекшаго столѣтія, подѣ непосредственными впечатлѣніями только-что появившихся въ печати произведеній писателей, которымъ она посвящена. Изложеніе этихъ статей оставлено безъ измѣненій, устраненъ изъ нихъ только большею частію полемическій элементъ, для настоящаго времени уже утратившій интересъ.

Авторъ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ТУРГЕНЕВА.

„ОТЧАЯННЫЙ“.

Есть литературныя явленія, на которыя невольно обращаются всѣ взоры, которыя вызываютъ горькія размышленія и тягостныя воспоминанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какой то странной силой заставляютъ смотрѣть на настоящее, переживаемое время, не только глазами современника, участника его, жинь и больно чувствующаго все печальное въ немъ, а глазами хотя и не посторонняго, глубоко и близко заинтересованнаго наблюдателя, но все же способнаго къ анализу совершающагося. Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ разсказъ Тургенева „Отчаянный, — изъ воспоминаній своихъ и чужихъ“ Какое удивительное впечатлѣніе производитъ онъ! Прочитавши эти двадцать страничекъ, вы уходите почти съ убѣжденіемъ, что прочли огромный томъ, мучительно пережили цѣлую длинную жизнь, прошли черезъ рядъ то воскресавшихъ, то потухавшихъ надеждъ на рѣшеніе какого-то мучительнаго вопроса. Въ разсказѣ есть что-то какъ будто недоговоренное. Недоговоренное не въ смыслѣ художественнаго впечатлѣнія, напротивъ, разсказъ производитъ впечатлѣніе въ высшей степени цѣлостное и живое, что зависитъ отъ самой формы, принятой авторомъ, влагающимъ въ уста разсказчика, дяди героя, нѣсколько впечатлѣній и нѣсколько слуховъ о дѣяніяхъ героя. Разсказъ

чикъ группируетъ передаваемые факты такъ, что душевный обликъ Миши Полтева встаетъ передъ читателемъ во весь свой ростъ; читатель чувствуетъ эту мятущуюся душу „отчаяннаго“. Но чтó значить эта душа, откуда она пришла, и къ чему идетъ,—повидному, остается жуткимъ вопросомъ. Тургеневъ, отъ лица рассказчика, говоритъ въ заключеніе своего разсказа: „Съ чего это все берется, предоставляю судить—именно философу“

Характеристика одного изъ распространеннѣйшихъ русскихъ типовъ, типа „отчаяннаго“ человѣка, вызвана прямо современными людьми и событіями. „Насъ было человѣкъ восемь въ комнатѣ,—и мы разговаривали о современныхъ дѣлахъ и людяхъ“ Такъ начинается авторъ свой разсказъ.— Не понимаю я этихъ господъ!—замѣтилъ А.:—они отчаянные какіе-то!.. Право, отчаянные... Ничего подобнаго еще никогда не бывало.—Нѣтъ, бывало,—вмѣшался П., уже старый, сѣдоловый человѣкъ, родившійся около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія:—отчаянные люди водились и прежде, только не походили они на нынѣшнихъ отчаянныхъ. Про поэта Языкова кто-то сказалъ, что у него былъ восторгъ ни на что не обращенный, безпредметный восторгъ; такъ и у тѣхъ людей—отчаянность была безпредметная. Да вотъ, если позволите, я вамъ разскажу исторію моего двоюроднаго племянника, Миши Полтева. Она можетъ служить образчикомъ тогдашней отчаянности“... Такъ характеризуетъ авторъ различіе „отчаянныхъ“ русскихъ людей прошлаго отъ „отчаянныхъ“ настоящаго, повторяя въ концѣ разсказа, что Миша Полтевъ „не походилъ на нынѣшнихъ отчаянныхъ, хотя, полагать надо, иной философъ и нашелъ бы родственныя черты между нимъ и ими“.

Не нужно, впрочемъ, быть „именно философомъ“, чтобы невольно и неизбежно замѣтить родовое, генерическое сходство между „отчаянностью“ прошлаго и настоящаго; не даромъ же вспомнился рассказчику этотъ Миша въ разговорѣ о современныхъ дѣлахъ и людяхъ, и не даромъ же самъ онъ указываетъ какъ на главнѣйшее различіе между ними—на „безпредметность отчаянности“ въ людяхъ прошлаго, находя

въ то же время такія общія у нихъ съ людьми настоящаго черты, какъ „жажда самоистребленія, тоска, неудовлетворенность“. Такимъ образомъ, образъ Миши Полтева имѣетъ несомнѣнное значеніе для нашего времени, какъ будетъ имѣть его, быть можетъ, еще долгое время. Его тоска, его неудовлетворенность были не его только свойствомъ, а свойствомъ всего тогдашняго поколѣнія, на которое „печально глядѣлъ“ поэтъ и въ которомъ съ одной стороны жили „къ добру и злу постыдное равнодушіе“, а съ другой, въ другихъ его представителяхъ, горькое сознаніе, что „грядущее этого поколѣнія иль пусто, иль темно, что оно состарится въ бездѣйствіи, что жизнь *томитъ* его, какъ ровный путь безъ цѣли“... Миша Полтевъ является только маленькимъ представителемъ того общаго душевнаго строя прошлыхъ русскихъ поколѣній, который особенно характеристиченъ въ „Героѣ нашего времени“—да и въ самомъ Лермонтовѣ.

Вглядимся же ближе въ психическую загадку, представляемую героемъ разсказа Тургенева. Первое, что представляется безпристрастному взгляду, это—воспитаніе нашего героя, не давшее ему ничего, что могло бы привязать къ жизни, осмысливъ ее. Отецъ Миши, по характеристикамъ автора, былъ въ сущности мертвый, безличныи человекъ. Вся жизнь его была только соблюденіемъ обрядовъ, съ давнихъ поръ установившихся. Онъ вставалъ и ложился, ешлъ и въ баню ходилъ, даже веселился и глѣвался—не такъ, какъ бы ему вздумалось, не на свой манеръ, а по завѣту и преданію отцовъ. „При всѣхъ возможныхъ случаяхъ и встрѣчахъ — говоритъ авторъ — Андрей Николаевичъ несомнѣнно зналъ, какъ надо поступать, что надо говорить и какія именно выраженія употреблять; зналъ, когда должно лечиться и чѣмъ именно, какимъ примѣтамъ должно вѣрить, и какія можно оставлять безъ вниманія; словомъ, зналъ все, что слѣдуетъ дѣлать... Ибо все-моль *стариками предусмотрено и указано—своего только не придумывай...* Мать героя, конечно, и въ помыслахъ не могла имѣть выступать изъ разъ навсегда опредѣленныхъ рамокъ жизни. Не ей, конечно, бѣдной сосѣдней барышнѣ, очень нервической и бо-

лѣзшей, бывшей въ институтѣ, игравшей на фортепьяно и говорившей по французски на институтскій ладъ,—не ей было ввести смыслъ и сознание въ домъ стараго обрядника. Да и некогда было ей, занятой разнообразными хлопотами и недугами, придти даже къ сознанию нелѣпости ся жизни. И Миша росъ подь такимъ режимомъ, по которому и въ святки, и подь Новый годъ ему позволялось паряжаться вмѣстѣ съ другими „хлопчиками“, и не только позволялось, но даже ставилось въ обязанность... За-то сохрани Богъ—въ другое время!..

На этой черствой и сухой жизненной почвѣ не вырастаетъ правильно человѣческая душа. Мишѣ, естественно, вмѣнялось въ обязанность считать нравственностью и жизнью то, что было нравственностью и жизнью въ глазахъ его отца. Если бы Миша былъ лишенъ той нервной впечатлительности, которая, помимо воли окружающихъ, создаетъ въ душѣ самостоятельныя и оригинальныя представленія, если бы онъ былъ лишенъ способна къ самостоятельности ума, изъ него вышелъ бы достойный преемникъ отца; онъ то же сталъ бы ходить въ баню по званію установленнымъ правиламъ. Но, быть можетъ, къ его несчастію, онъ принадлежалъ къ натурамъ живымъ и нервнымъ. Внѣшнее подчиненіе неосмысленному житейскому уставу не могло мѣшать ему жить жизнью самостоятельною и постепенно приобрѣтать отвращеніе къ насилію, которому ежеминутно подчинялась его воля. Умерли его родители. Съ чѣмъ же онъ остался? Къ жизни, которую онъ вынужденъ былъ жить, онъ чувствовалъ отвращеніе; свою создать онъ не могъ,—на это не хватило у него ни ума, ни воли, забытыхъ въ дѣтствѣ. Человѣкъ явился въ міръ безъ всякаго багажа, съ однимъ отвращеніемъ, быть можетъ, безсознательнымъ, къ прошлому. И все, что было въ его натурѣ еще не убитымъ, пошло на одно: на инстинктивное, неосмысленное отрицаніе прошлаго, на безпредметную отчаянность, на совершеніе дѣяній какъ разъ противоположныхъ тѣмъ, которыя его окружали и предписывались ему въ родительскомъ домѣ. Страшно лишать

молодую человеческую душу возможности самостоятельного, живого и разумного развитія!

„Отчаянность“ Миши Полтева близка къ дѣйствительному, настоящему отчаянію. Чтò можетъ быть печальнѣе того, когда человѣкъ не знаетъ, куда дѣвать свои молодые силы, когда смыслъ жизни ускользаетъ отъ него, когда все ставовится ему—все равно! Инстинктивно идя по пути жизни, прямо противоположному тому, который ему просто надоѣлъ своею неосмысленностію, онъ прежде всего ставовится не „настоящимъ помѣщикомъ“, какимъ былъ его отецъ. Онъ не скопидомъ, не хозяинъ, и продаетъ за безцѣнокъ свое родовое имѣніе. Прежней „скромности“ какъ не бывало. Облеченный въ шинель военного покроя, съ двухъ-аршиннымъ бобровымъ воротникомъ, съ фуражкой на бекрень *à la diable m'emporte*, въ коляскѣ, запряженной парой рысаковъ, съ чудовищнымъ кучеромъ на козлахъ, Миша является къ дядѣ. „Дешево спустилъ, канальство!“ говоритъ онъ о продажѣ имѣнія. „Такой подвернулся шельмецъ. Ну, да все-равно! По крайней мѣрѣ, проживу въ свое удовольствіе—и другихъ потѣшу!..“ Нужно ли говорить, что понятія Миши—неизбѣжный результатъ его прошлаго; другого идеала жизни взять ему было не откуда,—по крайней мѣрѣ, не случилось. За-то и живетъ же онъ въ свое удовольствіе.—чисто физическое, копечно! Вотъ, какъ самъ онъ рисуеть свою „жизнь въ удовольствіе“, и вотъ какую видитъ ее дядя.

„— Ну, дяденька, я вижу, вы теперь въ меланхолическомъ настроеніи. Заверну въ другой разъ. А вы вотъ что: заѣжайте-ка вечеркомъ въ Сокольники. Тамъ у меня палатка разбита. Цыгане поютъ... Фу ты! ну ты! держись только! А на палаткѣ выпелъ, а на выпелѣ ба-альшими буквами написано: „Хоръ Полтевскихъ цыганъ“ Змѣемъ выпелъ-то вьется, буквы золотыя. всякому прочеть лестно. Угощеніе — кто только пожелаетъ!.. Отказу пѣтъ. Пылъ по всей Москвѣ пошла... мое почтеніе!.. Что жъ? Заѣдете? Ужъ какая тамъ у меня есть одна... аспидъ! Черна, какъ сапогъ, злюща, какъ собака, а глаза... уголья! Никакъ не-

возможно узнать: что она—поцѣлуетъ или укуситъ?.. Заѣдете, дяденька?.. Ну, до свиданія!—

„И внезапно обнявъ и чмокнувъ меня въ плечо, Миша выскочилъ на дворъ, въ коляску, махнулъ надъ головой фуражкой, гикнулъ,—чудовищный кучеръ покосился на него черезъ бороду, рысаки рванулись, и все исчезло!

„На другой день я, грѣшный человѣкъ, поѣхалъ-таки въ Соколыньки, и дѣйствительно увидалъ палатку съ вымпеломъ и надписью. Подъ палатки были приподняты: шумъ, трескъ, визгъ неслись оттуда. Народъ толпился кругомъ. На землѣ, на разостланномъ коврѣ сидѣли цыгане, цыганки, пѣли, били въ бубны; а посреди ихъ, съ гитарой въ рукахъ, въ шелковой красной рубахѣ и бархатныхъ шароварахъ, юлою вертѣлся Миша.—„Господа! почтенные! милости просимъ! сейчасъ представленіе начнется! Даровое!“ — кричалъ онъ надтреснутымъ голосомъ.—„Эй! шампанскаго! хлопъ! въ лобъ! въ потолокъ! ахъ, ты шельма, Поль-де-Кокъ!“—Къ счастью, онъ не увидалъ меня, и я успѣшилъ удалиться“

Дядя удивляется, какъ могъ смиренный и скромный мальчикъ превратиться вдругъ въ пьянаго шалопаю. Но это такъ психологически неизбѣжно, что удивляться въ дѣйствительности нечему. И неизбѣжно опять, что эта линия новой, самостоятельной жизни принимаетъ какой то мрачный характеръ. „Пыль пошла отъ Миши въ Москвѣ“, въ его бутежѣ „проявлялось нѣчто неистовое, какое-то бѣшенство самоистребленія, какое-то *отчаяніе!*“ Вся душа его, искавшая жизни, ушла на этотъ разгулъ, на это самозабвеніе. И что же было дѣлать человѣку, отринувшему старую жизнь и не знавшему разумной новой!

Черезъ два мѣсяца „потѣхи“, Миша является къ дядѣ въ новомъ видѣ: „въ ворота входитъ тихой поступью послушникъ...“—„Не маскарадъ это“,—поясняетъ онъ дядѣ. Миша полонъ раскаянія и отправляется въ Троицкую Сергіеву Лавру. Какъ, повидимому, ни странноъ этотъ рѣзкій переходъ отъ „бѣшенства самоистребленія“ къ послушничеству, но онъ опять психологически неизбѣженъ. Очевидно, дѣло должно было происходить такъ. Когда у Миши